

2

Когда история вторгается в науку: к 125-летию со дня рождения Н. Д. Кондратьева

Н. А. Макашева

В главе анализируется подход Н. Д. Кондратьева к построению общей теории динамики, представленный в неоконченной работе «Основные проблемы экономической статики и динамики», написанной в тюрьме. Подход, предложенный Кондратьевым, рассматривается в контексте обсуждения этой проблемы на Западе, в том числе в связи с постановкой важнейших методологических проблем экономической науки соответствующего периода.

Ключевые слова: *Н. Д. Кондратьев, экономическая динамика, статика, статистико-вероятностный подход, методология экономической науки.*

Юбилей любого ученого – это всегда повод обратиться к анализу его идей и их значения в истории науки, наконец, к его личности. Когда речь идет об ученом, принадлежащем к поколению, которое, по его же собственным словам, попало под колесницу истории, вмешательство исторических процессов приобретает трагический характер. Весьма символично, что 125-летие со дня рождения выдающегося русского экономиста Н. Д. Кондратьева мы отмечаем в год столетия двух русских революций, которые, без сомнения, повлияли на мировую историю, а также изменили судьбу страны и судьбы людей, личные и профессиональные. В самом этом факте нет ничего удивительного. Любая революция влияет на судьбу страны и ее граждан. Новое в данном случае состоит в том, что Октябрьская революция и последовавшие за ней события существенно повлияли на развитие общественной науки в целом и особенно экономической.

Если мы продолжим хронологический экскурс, то заметим еще несколько символических совпадений. Прошло 85 лет со дня вынесения приговора группе экономистов по делу Трудовой крестьянской партии – одного из самых громких процессов начала 1930-х гг. – и 30 лет со дня реабилитации Н. Д. Кондратьева и его коллег по этому делу, произошедшей

Кондратьевские волны: к 125-летию Н. Д. Кондратьева 2018 42–57

на волне демократизации конца 1980-х гг. В 2018 году исполнится 80 лет со дня казни ученого и 55 лет со времени его «оттепельной» реабилитации по приговору 1932 г. Действительно, не только жизнь, но и смерть ученого удивительным образом вплетена в историю нашей страны.

Личная судьба Н. Д. Кондратьева, безусловно, представляет большой интерес для исследователя, однако в данной работе в центре внимания будет часть научного наследия ученого, рассматриваемая в контексте дискуссий, проходивших в соответствующий период на Западе. Речь пойдет о части наследия, посвященной проблеме экономической динамики и относящейся к тюремному периоду. Оценивая научное наследие многих наших ученых, ставших жертвами репрессий, непросто отрешиться от мысли об их трагической судьбе и анализировать их идеи исключительно в контексте развития науки. Прошлое проявило себя специфически и в том, какой образ ученого сложился за несколько десятилетий забвения. Что касается Н. Д. Кондратьева, то за рубежом некоторые его работы стали известны еще в 1920-е гг. и вызвали заметный отклик¹. Но даже и в СССР забвение не было полным – труды ученого находились в крупных научных библиотеках, его имя упоминалось даже в энциклопедиях, разумеется, критически. Проблема состояла в том, что идеи Кондратьева не были востребованы, но это была уже проблема самой отечественной науки и еще один из симптомов вмешательства (политических процессов, идеологии) в науку.

Неудивительно, что событием стало первое позитивное упоминание в нашей печати (причем в партийной) концепции длинных волн Кондратьева в 1984 г. (Меньшиков 1984). Огромным откровением для исследователя стал и рассказ дочери ученого о сохраненной в семье рукописи, написанной в 1930–1932 гг. в Бутырской тюрьме и во внутренней тюрьме на Лубянке, а также письмах из мест заключения. Полная реабилитация Кондратьева, состоявшаяся в 1987 г., ускорила процесс возвращения имени ученого и его идей в науку, хотя подготовка к публикации его первого сборника «Проблемы экономической динамики» (Кондратьев 1989) началась еще до решения о реабилитации. В этот сборник вошли не только знаменитые «Большие циклы конъюнктуры» вместе с дискуссией 1926 г.,

¹ Так, с точки зрения интеграции идей Кондратьева в мировую науку трудно переоценить значение обзорной работы Дж. Гарви (Garvy 1943) или то, что в 1934 г. Й. Шумпетер связал имя Кондратьева с длинными волнами конъюнктуры (Шумпетер 1982: 49). Знакомство мирового научного сообщества с трудами Николая Дмитриевича началось с публикаций его статей по проблемам динамики и длинных волн, а также работ, отражающих деятельность Конъюнктурного института (Kondratieff 1925a; 1925b). После всплеска интереса к работам Н. Д. Кондратьева на Западе в 1920-е гг. в течение нескольких десятилетий подобные публикации были единичными, и только в 1970-е гг. опять появляются перепечатки работ ученого, а в 1984 г. отдельной книгой издается в США перевод его знаменитого доклада 1926 г. (Kondratieff 1926) о больших циклах конъюнктуры (*Idem* 1984).

но и другие работы по проблеме экономической динамики. В 1991 г. под названием «Основные проблемы экономической статики и динамики» была опубликована и написанная в заключении неоконченная рукопись. Вслед за первыми публикациями последовали и другие. Значительным общественным и научным событием стала Первая международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения ученого, на которой был учрежден Международный фонд Н. Д. Кондратьева, 25-летие которого мы также отмечаем.

На фоне внимания к процессам в СССР в 1980-е гг. волна повышенного интереса к Кондратьеву «перекинулась» и за рубеж. В 1992 г. во Франции был опубликован сборник, посвященный проблемам больших циклов (Kondratieff 1992), и четырехтомное издание его трудов в Англии в 1998 г., включающее первую публикацию за рубежом книги «Основные проблемы экономической статики и динамики» (Makasheva *et al.* 1998).

Можно сказать, что с точки зрения публикации работ ученого справедливость восстановлена. Однако, размышляя о развитии науки вообще и о специфике развития экономической науки в нашей стране в частности, нельзя не признать с огорчением, как много было безвозвратно потеряно. В науке, как и в жизни, время необратимо: изменяются содержание проблем, инструментарий анализа, понятийный аппарат; то, что несколько десятилетий назад было воспринято научным сообществом, стало составной частью науки, а то, что открывается с огромным опозданием, в значительной степени оказывается во многом скорее фактом истории, а не современной науки. Нельзя не согласиться с Кондратьевым, который в очень тяжелый период своей жизни писал, что самое бесценное в нашей нелегкой жизни – это мысль. Думаю, что он имел в виду мысль свободную, открыто высказанную и, разумеется, услышанную.

Примером того, что было услышано за рубежом, безусловно, является концепция длинных волн. Именно с ней прежде всего и связывается имя Кондратьева². Эта тема преобладает и в современных отечественных публикациях. Однако теория, или, по словам ученого, гипотеза больших циклов как таковая не только не отражает всего замысла теории динамики, но и в силу своей привлекательности и, я бы сказала, интригующего характера в каком-то смысле даже отвлекает от сути этого замысла.

Дело в том, что, размышляя о теории динамики, Кондратьев ставил целый ряд важных и до сих пор актуальных философских и методологических проблем: соотношения теоретического и эмпирического знания; индивидуального и социального, роли времени в экономической науке (связанные с ней проблемы динамики, включая циклы и тренды), которые выходят за рамки концепции длинных волн как таковой. Его занимала

² К счастью, благодаря новым переводам стали появляться работы, посвященные и другим проблемам (см., например: Carrу 1996).

проблема теории экономической динамики. И здесь он был, конечно, не одинок. На фоне распространения представления о дедуктивном характере экономической теории и вместе с утверждением в качестве ее образца модели равновесия в духе Л. Вальраса некоторые экономисты высказывали сомнения относительно того, можно ли вообще построить динамическую теорию, опираясь на исходные предпосылки равновесной модели, ставшей ядром неоклассики. Так, в тот же период, когда Кондратьев размышлял над проблемой динамики, Й. Шумпетер (1982) сделал попытку выйти за границы равновесного подхода, пересмотрев модель поведения индивида. В более широком контексте то, что предлагал Шумпетер, можно трактовать как стремление расстаться с ньютоновским представлением об экономическом порядке как состоянии (being), которое нашло свое полное воплощение в моделях равновесия, и заменить их трактовкой порядка как становления (becoming), которая была созвучна сдвигам в естественных науках³. Через несколько десятилетий идеи Шумпетера отчасти воплотились в эволюционной экономической теории (см., например: Нельсон, Уинтер 2002)⁴.

Во времена Кондратьева проблема динамики была неразрывно связана с проблемой цикла. Можно даже сказать, что последняя была отправной точкой постановки первой. Не случайно практически все экономисты, обращавшиеся к проблеме динамики, занимались исследованием цикла. Анализ циклических процессов привел к осознанию несоответствия между равновесным подходом, на котором основывалась абстрактная экономическая теория, и представлением о цикле как об отклонении от равновесия. Вопрос в том, является ли цикл неравновесным процессом, и в силу этого его анализ предполагает использование принципиально иного инструментария, или же равновесный подход является универсальным. В период, о котором идет речь, экономисты склонялись скорее в пользу первого. Лишь через полвека возникло направление – новая классика, в рамках которого отстаивалась возможность применения равновесных моделей при исследовании цикла. Я имею в виду теории равновесного и реального циклов.

Период, на который пришелся пик творческой активности Н. Д. Кондратьева, был одним из самых плодотворных в развитии экономической

³ Одним из наиболее ярких и последовательных критиков идеи порядка как состояния (being) был, разумеется, Ф. Хайек. Выступая в 1930–1940-е гг. против теории рыночного социализма, он в действительности поставил более общую проблему – господства в экономической науке механистического, «равновесного» мировоззрения, наиболее последовательным воплощением которого была теория общего экономического равновесия (Хайек 2011).

⁴ Разумеется, между Шумпетером и современными эволюционистами существуют принципиальные различия. Так, для Шумпетера эволюционный принцип был способом объяснить природу капитализма, а для других – скорее, описать функционирование сложной системы взаимодействующих субъектов в условиях неопределенности.

науки XX в., причем не только на Западе, хотя прежде всего именно там, но до определенного момента и в нашей стране. В истории западной экономической науки его принято характеризовать как завершение эпохи А. Маршалла и, если использовать знаменитое высказывание Дж. Шэкла, можно отнести к «годам высокой теории» (Shackle 1967). Методологические дискуссии 1920–1930-х гг. отражали объективную двойственность экономической науки. С одной стороны, имело место стремление экономистов к строгой логике абстрактной дедуктивной науки, которая основывается на модели рационального человека (методологический индивидуализм) и ставит аналитические задачи. С другой стороны, наблюдалось стремление сделать науку практически значимой, что способствовало развитию эмпирических исследований, которые в тот период были главным образом сосредоточены на работе с агрегатными величинами (методологический холизм).

Как уже отмечалось, теория общего экономического равновесия воспринималась экономистами в качестве образца абстрактной теории. Она представляла хозяйство в виде совокупности обособленных рациональных экономических агентов, в неких специфических условиях оптимизирующих свои целевые функции. Эта теория сосредоточила внимание на изучении состояния, при котором все участники удовлетворены достигнутым результатом и, следовательно, отсутствуют внутренние причины к его изменению. Абстрактный характер этой теории открывал значительные возможности в области формального анализа и в то же время делал ее мишенью критики. Ее легко упрекнуть в отрыве от реальности, в невнимании к важным проблемам, которым не было места в совершенном мире Л. Вальраса. Действительно, теория равновесия развивалась в основном под воздействием своей внутренней логики. Одновременно происходило изменение представления о самой науке. В середине 1930-х гг. в своем знаменитом эссе Л. Роббинс определил ее как область знания, сосредоточенную на оптимальном использовании ограниченных ресурсов (Роббинс 1993). При таком подходе экономическая теория рассматривалась уже не как модель действительности, пусть и очень упрощенная, а как инструмент анализа отдельных проблем, причем под определенном углом зрения, что позволяло снять вопрос о реалистичности предпосылок.

Этому течению противостояли сторонники эмпирического подхода, располагавшие мощными и очевидными аргументами в пользу своей точки зрения. Накопленная статистическая база и разработанный инструментарий позволяли давать ответы на практические вопросы и тем самым противостоять претензиям абстрактной теории на статус единственно научной. Противники чистой теории допускали проникновение в экономику других наук, чего чистые теоретики стремились избегать. Как отмечал Т. Веблен, целью должно было стать создание «культурологической» эко-

номической теории, базирующейся на антропологии, социальной психологии и социологии (Veblen 1919: 149). И хотя мечта американских институционалистов не осуществилась, работы У. Митчелла (Mitchell 1913) по проблемам циклов (столь близкие по духу Кондратьеву), в которых были «уникальным образом соединены экономическая история, теория и статистика», стали высшим достижением институциональной школы (Рима 1981: 62). Именно теория циклов стала ареной борьбы двух противостоящих методологических позиций. Не случайно именно эта проблема во многом определила вектор теоретических исследований Н. Д. Кондратьева.

Говоря о борьбе «эмпириков» и «теоретиков», необходимо иметь в виду, что, поскольку эмпирические исследования в тот период были связаны со сбором и анализом агрегированных данных и с попытками установить статистические зависимости между макропоказателями, возникла проблема содержательной интерпретации полученных статистических закономерностей. Особую остроту эта проблема приобрела после работ Дж. Кейнса, в которых была представлена макроэкономическая ситуация – вынужденная безработица, плохо объяснимая на основе принятых представлений о рациональном поведении. Необходимость объяснить это явление, опираясь на модель рационального поведения, привела к проблеме, известной сегодня как проблема соотношения микро- и макроподходов, или проблема редукции макро к микро⁵.

Еще одна «вечная» проблема, имеющая непосредственное отношение к Кондратьеву, – это проблема статики и динамики. Вопрос, который был поставлен в рамках дискуссий 1920–1930-х гг., сводился к следующему: можно ли построить дедуктивную теорию динамики, можно ли это сделать, основываясь на гипотезах рационального поведения и применяя равновесный подход? Высказывалось мнение, что сделать это принципиально невозможно в силу специфики исходных предпосылок теории равновесия (см., например: Northrop 1941). Так, ради теории динамики Й. Шумпетер был готов к радикальному пересмотру основы теории равновесия – модели поведения экономического субъекта (Шумпетер 1982). В контексте этой дискуссии Кондратьеву может принадлежать особое место. Он предлагал изменить не модель индивидуального поведения (хотя

⁵ Как свидетельствует история, возможны два принципиальных пути разрешения этого противоречия: либо пытаться дать микроэкономическое обоснование макрозависимостям, то есть признать законность проблемы редукции и пытаться найти способ получения макроэкономических зависимостей из микроэкономических, либо вообще отказать макроэкономическим зависимостям в каком-либо содержании и рассматривать их как статистические артефакты. Бескомпромиссно отстаивали последнюю точку зрения – принцип методологического индивидуализма – представители австрийской школы. Но жизнь им «портили» отдельные обстоятельства, например деньги, функционирование которых невозможно объяснить, не выходя за рамки методологического индивидуализма.

некоторые модификации и предлагал сделать), а обратиться к иному инструментарию – статистико-вероятностному.

Свою главную задачу Н. Д. Кондратьев сформулировал следующим образом: создание основ теории социально-экономической динамики, составной частью которой является теория циклов, в том числе и больших. В явном виде эта задача была обозначена в начале 1930-х гг., когда ученый уже находился в тюрьме, однако еще в 1920-е гг. он опробовал некоторые из своих тогда еще нечетко сформулированных идей при исследовании циклов. Важность проблемы циклов определялась для него прежде всего тем, что циклы представляли регулярно повторяющиеся события, которые только и могут быть предметом науки (Кондратьев 1991)⁶.

Уже в самой первой посвященной циклам работе – «Мировое хозяйство во время и после войны» (1922 г.)⁷ – Кондратьев определяет свою методологическую позицию. Он пишет о хозяйстве как о системе взаимоотношений и связей элементов (сравним с Л. Вальрасом) и одновременно говорит о различных подходах к ее анализу – динамической и статической точках зрения, по существу, отождествляет теорию конъюнктуры⁸ с теорией циклов и называет ее составной частью теории динамики. Он утверждает, что динамическая теория как теория, устанавливающая закономерности изменения элементов хозяйственной жизни в их взаимосвязи, *в принципе возможна*⁹, а ее практическая значимость и научная достоверность определяются качеством прогноза, который может быть сделан на ее основе. Последующие работы, включая и знаменитый доклад «Большие циклы конъюнктуры», во многом представляют собой развитие и содержательное наполнение названных методологических установок и одновременно являются отправной точкой его теории социальной экономики, контуры которой через несколько лет будут обозначены в «Основных проблемах экономической статики и динамики».

Несмотря на существование множества несогласующихся постановок проблем, разнообразие подходов к их решению, в период, о котором мы говорим, в области исследования циклов выделялись две сквозные темы.

⁶ См. статью Н. Д. Кондратьева «К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры» (Кондратьев 1989: 48–90).

⁷ Эта работа конкретно-эмпирического характера была непосредственно посвящена одному циклу – прерванному войной и завершившемуся кризисом 1920–1921 гг., который чрезвычайно встревожил экономистов с точки зрения перспектив капиталистической экономики (Он же 2002: 40–340).

⁸ Определение конъюнктуры будет дано позже, в 1924 г., в статье «К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры» (Он же 1989: 48–90).

⁹ Само по себе подобное утверждение вовсе не очевидно. Вопрос о принципиальной возможности теории динамики как большая методологическая и философская проблема только осознавалась учеными в этот период. Интересный взгляд на эту проблему содержится в упомянутой статье Ф. Нортропа.

Одна из них – методологическая – касалась проблемы соотношения эмпирического и теоретического подходов применительно к проблеме циклов. Речь шла о том, возможна ли абстрактная теория цикла, построенная дедуктивным способом на базе гипотез, касающихся индивидуального поведения и выведенных в основном интроспективно, или в силу специфики предмета допустима лишь теория, возникающая из анализа фактических данных, то есть индуктивно. Другая, связанная с первой проблемой, – теоретическая, состояла в выяснении движущей силы цикла, при этом она содержала и методологическую компоненту – вопрос о принципиальной возможности существования и определения этой единственной причины. Сторонники абстрактной теории более строго придерживались идеи существования единственной причины (что, разумеется, не исключало разногласий по поводу того, какова она), «эмпирики» же признавали действие нескольких сил, реализующихся отчасти независимым образом.

Как и в знаменитом споре о методе конца XIX в., в 1920-е гг. лидерами теоретического подхода оставались представители австрийской школы – Л. фон Мизес и Ф. фон Хайек, в данном вопросе к ним присоединялись Й. Шумпетер, У. Джевонс, К. Виксель, А. Лёве, отчасти А. Маршалл. Место исторической школы заняли ученые, принадлежавшие к различным направлениям, прежде всего американские институционалисты У. Митчелл и Дж. М. Кларк, а также французский статистик К. Жюгляр, немецкий экономист Ф. Лутц и др. К числу сторонников монистического подхода к вопросу о причинах цикла можно, хотя и с известными оговорками, отнести Дж. Гобсона, А. Шпитгофа, А. Афгальона, Р. Хоутри, К. Вискеля, Ф. Хайека, Й. Шумпетера, а среди сторонников плюралистического подхода следует назвать Ж. Лескюра, Г. Касселя, М. И. Туган-Барановского, У. Митчелла, Ф. Тауссига, Дж. Б. Кларка и др. Среди причин цикла выделялись институциональные факторы, инновации, особенности производственного процесса (в первую очередь высокая степень окольности производства), специфика рыночного взаимодействия в условиях неопределенности, существование денег и особенности денежной системы и т. д.

Главные аргументы сторонников эмпирического подхода сводились к следующему. Абстрактная теория – прежде всего теория равновесия, а циклические колебания – это отклонения от равновесия, отсюда противоречие между инструментарием и явлением¹⁰. Абстрактная теория в силу

¹⁰ Насколько серьезно восприняли эту критику сторонники абстрактной теории, можно судить хотя бы по тому, что Ф. Хайек, пытаясь устранить эту коллизию, обращался «за помощью» к деньгам – этому уникальному феномену, который, строго говоря, не вписывается в теорию равновесия, облегчая объяснение циклических колебаний (Наук 1933). Ответом на эту позицию были и отказ Й. Шумпетера от равновесной модели, и привнесение в теорию понятия новаторского поведения. По иному пути через 50 лет пошли современ-

ограниченного числа простых гипотез, на которых она основывается, упускает из виду многие содержательные стороны явлений, что заставляет ее сторонников рассматривать дополнительные экзогенные факторы и/или корректировать базисные предпосылки исходной модели. Выводы абстрактной теории, полученные на основе гипотез индивидуального поведения, не позволяют объяснить изменения агрегированных статистических показателей, которые и характеризуют конъюнктуру. Наконец, при данном уровне знаний невозможно выделить главную причину цикла.

Подчеркнем, что сторонники эмпирического подхода не отрицали важности и необходимости теории, они лишь настаивали на том, чтобы она отличалась от той, которая в современной им экономической науке ассоциируется со словом «теория». «Теория экономических процессов сама по себе, – писал, характеризуя позицию У. Митчелла, Й. Шумпетер, – должна оставаться теорией, но ей надлежит стать теорией, построенной на базе результатов тщательного осмысления реального поведения и – так как он не исключал в принципе ни интроспекции, ни психологической интерпретации, порожденной интроспекцией, – мотиваций» (Schumpeter 1997: 246).

Разумеется, у приверженцев априоризма и дедуктивного подхода были свои аргументы. В частности, они утверждали, что никакие эмпирические исследования не могут быть независимыми от представлений ученого о характере изучаемого явления и его механизме, то есть от принятой теории; сами по себе эмпирические исследования могут выявить лишь статистические зависимости, имеющие ограниченное значение для установления причинно-следственных связей¹¹; эмпирические исследования важны для иллюстрации и получения прогнозов, и только через прогнозирование теория подтверждает свою практическую значимость, но ценность прогноза зависит от надежности теоретической конструкции, на которую он опирается (Hayek 1933: 35–39); наконец, что надежды на значительное продвижение в теории в результате расширения эмпирических исследований являются следствием ошибочных представлений о связи между ними (Löwe 1926). В итоге окончательное решение вопроса о важности того или иного феномена для объяснения циклического процесса не может быть отдано математикам и статистикам, поскольку здесь важно знание, полученное теоретическим путем (Altschul 1926: 85).

ные сторонники чистой теории – новые классики: они признали цикл равновесным феноменом и тем самым привели в соответствие явление и инструментарий его исследования (см., например: Snowdon *et al.* 1994).

¹¹ Как писал А. Пигу, «отсутствие статистической корреляции между теми или иными изменениями и промышленными колебаниями само по себе не опровергает, а ее наличие не доказывает, что эти изменения являются причиной данных колебаний» (Pigou 1929: 37).

В работах по проблемам циклов Кондратьев, безусловно, выступает сторонником эмпирического подхода в его широкой трактовке в духе Митчелла. Определяя область своих исследований как теорию динамики, он формулировал задачу последней следующим образом: установление закономерностей между элементами экономической системы в их изменении в реальном времени, что эти элементы характеризуются количественными показателями, что закономерности проявляются прежде всего через статистические зависимости. Наконец, практическая значимость теории определяется теми возможностями, которые она открывает для прогнозирования в том смысле, как это представлено в его статьях «Проблема предвидения» (Кондратьев 2002: 509–566) и «План и предвидение» (Там же: 567–614).

Как уже упоминалось, Н. Д. Кондратьев считал частью общей теории динамики теорию конъюнктуры, или теорию циклических процессов, которая и была изначально предметом его исследования. Поскольку, согласно его формулировке, конъюнктура в данный момент времени есть не что иное, как «направление и степень изменения совокупности элементов народнохозяйственной жизни по сравнению с предшествующим моментом» (Он же 1989: 70), необходимо определить набор соответствующих элементов, собрать и проанализировать статистические данные. Именно на базе анализа данных он в полном соответствии с эмпирическим подходом и разработал концепцию больших циклов. Эта концепция не была теорией в классическом смысле слова, то есть логической схемой, построенной на основе поведенческих гипотез, она являлась лишь объясняющей гипотезой, возникшей из анализа фактов. Это вполне соответствовало взглядам У. Митчелла и других представителей эмпирического направления.

В работах, посвященных циклам и конъюнктуре, Кондратьев выступил как сторонник не только индуктивно-эмпирического метода, но и плюралистического подхода к анализу причин долгосрочных циклических колебаний. При объяснении механизма цикла он указывал на инновации, взаимосвязанность отраслей, специфику системы распределения, особенности функционирования банковской системы, сложившихся отношений в сельском хозяйстве и т. д. Можно сказать, что он шел по пути, близкому М. Туган-Барановскому, А. Шпитгофу, Й. Шумпетеру, Г. Касселю, но при этом заимствовал отдельные элементы денежных теорий циклов К. Жюгляра, Г. Сиджуика, Р. Хоутри и др. Естественно, некоторые критические замечания, высказанные в адрес этих ученых, относятся и к его концепции. Но, признавая эту критику, следует иметь в виду, что свою основную задачу, по крайней мере на начальном этапе исследований, ученый видел не в создании исчерпывающей теории или модели, воспроизводящей механизм цикла, а в изучении фактического движения конъюнктуры и в

определении круга показателей, характеризующих конъюнктуру, наполнении их статистическим содержанием.

Заслуга Н. Д. Кондратьева в данной области состоит не столько в объяснении того, как импульс, идущий от нововведений, распространяется в экономике и приводит к возникновению кумулятивного процесса, а также какие обстоятельства вызывают его остановку и как формируются условия нового подъема (здесь сделано не так много), сколько в формулировании гипотезы больших циклов и ее эмпирическом обосновании. Эта концепция в тех масштабах, в каких она была проработана, представляет собой эмпирическую иллюстрацию одного из разделов его будущей теории динамики. И здесь мы должны обратиться к работе «Основные проблемы экономической статики и динамики», в которой, по замыслу ученого, должна была быть представлена методологическая основа новой теории экономической динамики, основанной на статистико-вероятностном мировоззрении и позволяющей примирить теоретический и эмпирический подходы, статическую и динамическую точки зрения, методологические индивидуализм и холизм.

Будучи, как и многие представители его поколения, сторонником философии позитивизма¹², Н. Д. Кондратьев исходил из единства наук и в условиях бурного развития естественных наук видел в их методах объект для заимствования социальными науками. Заметим, что речь идет о так называемой классической науке, к которой относится, например, физика доквантового периода. Каким же может быть мировоззрение исследователя социальных явлений, стремящегося к точности и объективности, сопоставимых с теми, которые демонстрируют естественные науки? Что может стать стержнем, объединяющим обе ветви науки? Ответ Кондратьева прост и в целом ожидаем: статистико-вероятностное мировоззрение, а также статистика и ее методы, которые вполне пригодны для изучения явлений как физического, так и социального мира. Подчеркнем, что для Кондратьева статистический подход – не просто технический инструмент анализа, а способ видения реальности, определяющий и характер науки.

Центральным понятием в рамках данного мировоззрения Кондратьев считал понятие совокупности, заимствованное им у А. А. Чупрова. Совокупность как статистический феномен предполагает такое большое число взаимосвязанных элементов, которое обеспечивает действие закона больших чисел. В результате совокупность предстает как нечто, не сводящееся к простой сумме элементов, а образующее систему взаимосвязей, порождающую специфические явления. Кондратьев применяет понятие сово-

¹² Заметим, что в данном случае приверженность позитивизму означала прежде всего убежденность в необходимости строгого разграничения экономической и социальной стороны явлений, которые в русской мысли традиционно смешивались.

купности сначала к обществу, а затем к хозяйству. Он трактует хозяйство как совокупность, определяемую спецификой деятельности индивидов, которую фиксирует экономический принцип – стремление к удовлетворению потребностей в условиях ограниченности ресурсов.

Таким образом, исходным элементом хозяйства остается человек, а его общественная природа проистекает из того факта, что хозяйство является совокупностью. Это означает, что люди действуют в соответствии с индивидуальными предпочтениями и осуществляют свой выбор, вступая во взаимоотношения с другими людьми, оказывая влияние на них и тем самым изменяя условия собственной деятельности. В силу массового и сложного характера взаимодействия в рамках совокупности свойства, которые мы наблюдаем, представляются сглаженными, усредненными и несводимыми к индивидуальным характеристикам. По существу, речь здесь идет об известном в философии и связанном с именем В. Вундта законе гетерономии целей и не менее известном в экономике и связанном с именем А. Смита принципе неинтенационности результатов. В рамках кондратьевского подхода «невидимая рука» – это обозначение стихийного и не поддающегося контролю процесса преобразования индивидуальных действий в социальный результат.

Итак, статистический подход позволяет Кондратьеву сохранить индивида как исходный элемент хозяйства и в то же время сосредоточиться на анализе хозяйства как социального явления. При этом «социальность» не имеет никакого классового, культурного или этического смысла, а является следствием взаимодействия большого числа элементов совокупности, то есть экономических субъектов. Подобный подход предполагает, что экономическая наука изучает общественную природу хозяйственной деятельности, а ее задача (которую Кондратьев формулирует не без влияния неокантианцев¹³) состоит в установлении системы однозначных причинно-следственных связей, то есть закономерностей, которые выступают результатом действия закона больших чисел и проявляются в той мере, в какой этот закон действует (Кондратьев 1991: 219).

Закономерно, что при обсуждении проблем познания Н. Д. Кондратьев уделяет большое внимание вопросу о природе случайного. Он отвечает на него скорее в духе характерного для XIX в. детерминизма, рассматривая случайность как имеющую в большей степени гносеологическую, нежели онтологическую, природу. Именно ограниченность способностей человека и существующего на данный момент знания, с его точки зрения, делает неизбежным «укорачивание» рассматриваемого «дерева» причин-

¹³ Всесторонний анализ философских и социологических оснований позиции Н. Д. Кондратьева дан в статье Ю. Н. Давыдова «Н. Д. Кондратьев и вероятностно-статистическая философия социальных наук» (Кондратьев 1991: 453–523).

ных связей, причем процедура «укорачивания» относится не только к пространству, но и ко времени.

Проблема короткого временного горизонта отчасти решается, когда исследуются повторяющиеся, единообразные, регулярные события. Поэтому ученый и обращается прежде всего к циклическим процессам и ставит задачу определить законы, выражающие ход единообразных явлений во времени. Но специфика общественных явлений состоит в том, что они, с точки зрения наблюдателя, протекают слишком медленно (действие и результат разделены в пространстве и во времени), и в каждый данный момент число действий и действующих субъектов совсем невелико по сравнению с тем, с чем имеют дело представители естественных наук. В итоге закон больших чисел применительно к общественным явлениям не дает тех результатов, что в естественных науках, а установленные закономерности неизбежно носят вероятностный характер.

Этот принципиальный вывод определяет очень многое, в частности, представления о соотношении между теорией и фактами, о возможностях практического использования теории, прежде всего в целях прогнозирования, и т. д. Это – первый методологический результат применения статистико-вероятностного подхода, который получил Кондратьев. Вторым должна была стать теория экономической динамики.

Н. Д. Кондратьев справедливо считал, что ни одна из известных ему школ не располагала динамической теорией: неоклассика в силу специфики базисных предпосылок, придающих ее теории статический характер, историческая школа – из-за того, что она не предлагала никакой теории, подменяя ее историческим описанием. Более того, ссылаясь на то, что наука может исследовать только регулярные события, он отрицательно отнесся к попытке Й. Шумпетера создать динамическую теорию, центральным элементом которой была инновационная деятельность предпринимателя. Кондратьев, безусловно, надеялся показать, что его подход открывает перспективу анализа не только статике, но и динамики.

Что касается статике и применения статистико-вероятностного подхода к анализу равновесия, то здесь, по его собственному признанию, не удалось получить ничего принципиально нового по сравнению с традиционным подходом, хотя, как мне представляется, возможность осуществления сделок по неравновесным ценам, которую допускал Кондратьев, открывала путь к анализу неравновесных процессов. Более интересным представлялось ему рассмотрение последовательности равновесий разного уровня (аналогичных равновесиям различного порядка у А. Маршалла). Оказалось, что при переходе на более высокий уровень, то есть с уменьшением числа элементов, значения которых предполагаются заданными, все существеннее становится фактор времени, другими словами, все большее значение приобретает элемент случайности, иррегулярности,

уникальности. В какой степени использование статистико-вероятностного подхода позволило бы справиться с задачей выявления закономерностей регулярных событий во времени, остается неясным. Доказательством ценности данного подхода могла бы стать теория экономической динамики. Увы, линия рассуждений Кондратьева была прервана на самом интересном месте. Известно, что прерванную рукопись ученый передал жене перед тем, как он был отправлен в Суздальский политизолятор в начале 1932 г. Больше он к этой рукописи не возвращался, хотя, по крайней мере, в течение двух первых лет пребывания в Суздале продолжал работать.

В 1932–1934 гг. внимание Кондратьева занимала проблема тренда. Результатом этой работы стала большая книга. Насколько можно судить по письмам ученого жене, он анализировал тренд с позиций статистико-вероятностного подхода. В его письме от 29 мая 1934 г. сказано, что последняя из написанных глав «Стохастический анализ временного ряда и определение формы тренда» была посвящена «теоретико-вероятностному обоснованию приемов установления тренда по эмпирическим данным после того, как общая форма выведена дедуктивно... Глава эта носит преимущественно математический, теоретико-вероятностный характер и была очень трудна. Трудной будет также следующая, тоже отвлеченная глава под заглавием “Абстрактная теория тренда”. После этого мне останется написать 2–3 главы с эмпирическим содержанием и работа будет окончена. Но конец ее еще не близок, хотя и теперь она уже превзошла 30 печатных листов. Чем дальше я пишу ее, тем больше угнетает меня сознание, что я делаю ее только для себя» (Кондратьев 2004: 517).

Последнее предположение ученого оказалось пророческим. До нас дошло (письмо от 5 сентября 1934 г.) краткое описание односекторной модели экономического роста, которая несколько напоминала появившиеся через два десятилетия неоклассические модели типа модели Солоу. Но и здесь Кондратьев был оригинален, в частности использовал логистическую кривую изменения экзогенных переменных. Очевидно, что эта модель и представляла дедуктивно определенный тренд. Но, судя по письмам, к этому времени уже была написана глава, посвященная теоретико-вероятностному определению тренда, то есть именно та часть работы, которая непосредственно связана со статистико-вероятностным подходом. Но мы не знаем ни того, какую теорию тренда создал Кондратьев, ни того, как эта теория соотносилась с неоконченной методологической работой, ни вообще в каком направлении он развивал первоначальный замысел.

Мог ли путь, которым собирался идти Н. Д. Кондратьев, привести к разработке исследовательской парадигмы, позволяющей хотя бы частично разрешить фундаментальные методологические проблемы экономической науки – вопрос, на который мы вряд ли когда-либо получим ответ. Ученый продолжал работать примерно до конца 1936 г., однако мы ничего не знаем о полученных им результатах. Была уничтожена не только мысль –

то, что ученый считал самым драгоценным, но и он сам. Сегодня, когда мы обращаемся к истории отечественной экономической науки, мы видим, что колесница истории прокатилась не только по поколению Кондратьева, как, впрочем, и по другим поколениям, но и по экономической науке, прервав нормальный процесс роста научного знания.

Библиография

- Кондратьев Н. Д. 1989.** *Проблемы экономической динамики.* М.: Экономика.
- Кондратьев Н. Д. 1991.** *Основные проблемы экономической статики и динамики.* М.: Наука.
- Кондратьев Н. Д. 2002.** *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения.* М.: Экономика.
- Кондратьев Н. Д. 2004.** *Суздальские письма.* М.: Экономика.
- Меньшиков С. 1984.** Структурный кризис экономики капитализма. *Коммунист* 4: 112–124.
- Нельсон Р. Р., Уинтер С. Дж. 2002.** *Эволюционная теория экономических изменений.* М.: Дело.
- Рима И. 1981.** Неоклассическая теория и раскол: 1890–1930 гг. *Современная экономическая мысль* / Ред. В. С. Афанасьев, Р. М. Энтов, с. 51–67. М.: Прогресс.
- Роббинс Л. 1993.** Предмет экономической науки. *THETHIS* 1: 10–23.
- Хайек Ф. А. 2011.** *Индивидуализм и экономический порядок.* Челябинск: Социум.
- Шумпетер Й. 1982.** *Теория экономического развития.* М.: Прогресс.
- Altschul E. 1926.** Konjunkturtheorie und Konjunkturstatistik. *Archiv fur Sozialwissenschaft und Soziopolitik.* Bd. 55.
- Carry A. 1996.** Uncertainty in the Writings of Kondratiev. *Uncertainty in Economic Thought* / Ed. by C. Schmidt. London: Edward Edgar.
- Garvy G. 1943.** Kondratieff's Theory of Long Cycles. *Review of Economic Statistics* 25(4): 203–220.
- Hayek F. 1933.** *Monetary Theory and Trade Cycle.* London: Jonathan Cape.
- Kondratieff N. D. 1925a.** The Conjunction Institute at Moscow. *Quarterly Journal of Economics* 39(2): 320–324.
- Kondratieff N. D. 1925b.** The Static and Dynamic View of Economics. *Quarterly Journal of Economics* 39(2): 575–583.
- Kondratieff N. 1926.** Die langen Wellen der Konjunktur. *Archiv fur Sozialwissenschaft und Soziopolitik* 56: 573–609.
- Kondratieff N. D. 1984.** *The Long Wave Cycle.* New York, NY: Richard and Snyder.
- Kondratieff N. D. 1992.** *Les grands cycles de la conjoncture.* Paris: Economica.
- Löwe A. 1926.** Wir ist Konjunkturtheorie überhaupt möglich? *Weltwirtschaftliches Archiv*, S. 165–197. October.

-
- Makasheva N., Samuels W., Barnett V. (Eds.) 1998.** *The Works of Nikolai D. Kondratiev*. 4 vols. London: Pickering & Chatto.
- Mitchell W. 1913.** *Business Cycles: The Problem and its Setting*. Berkeley: University of California Press.
- Northrop F. 1941.** The Impossibility of a Theoretical Science of Economic Dynamics. *Quarterly Journal of Economics* 56(1): 1–17.
- Pigou A. 1929.** *Industrial Fluctuations*. 2nd ed. London: Macmillan.
- Schumpeter J. 1997.** *Ten Great Economists from Marx to Keynes*. London: Routledge.
- Shackle G. L. S. 1967.** *The Years of High Theory: Invention and Tradition in Economic Thought 1926–1939*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Snowdon B., Vane H., Wynarczyk P. 1994.** *A Modern Guide to Macroeconomics*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar.
- Veblen T. 1919.** Preconceptions of Economic Science. *The Place of Science in Modern Civilization*. New York, NY: B. Huebsch.